

АНАТОЛИЙ Н. КИРПИЧНИКОВ

**НЕВСКАЯ БИТВА 1240 ГОДА
И ЕЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ**

Источники о Невской битве, как известно, ограничены и неравноценны. Главнейшими являются Новгородская первая летопись старшего извода и Житие Александра Невского в его наиболее достоверной первой редакции. Летописное сообщение записано по свежим следам битвы. О самом сражении сказано только, что "ту бысть велика сеча Свеем"¹, зато подготовка к столкновению и его последствия сопровождаются ценными пояснениями, записанными явно по свежим следам события. Независимо от летописного известия сложилось Житие Александра Невского. Оно создано в 1280 г.² Важно, что подробности Жития основаны на рассказах очевидцев и свидетелей, знавших и наблюдавших Александра Невского как полководца. В Житии сохранены документальные сведения о Невской битве и действиях отдельных её героев. Правда, эти данные отрывочны, автор Жития не стремился осветить военную сторону события. Недостаток этих сведений объясняется ещё и тем, что описание битв в древнерусских письменных источниках часто почти не пояснялось. Многие их детали шаблонными и для читателя того времени само собой разумеющимися. При всем лаконизме наших основных источников они содержат достоверные, хотя и неполные данные о ходе русско-шведской войны 1240 года.

Целостная реконструкция хода Невской битвы невозможна. Это мнение разделяют писавшие о ней исследова-

тели. Задача настоящей статьи привлечь внимание к малопроясненным тактическим особенностям упомянутого сражения. Их расшифровка стала возможной на основании тех знаний о военном деле Руси, которые достигнуты современной наукой.

Шведский поход в северо-западную Русь был задуман с далеко идущими захватническими целями. Словами летописи (сказанными, может быть, с долей преувеличения) "хотяче восприяти Ладогу, просто же реку (р. Неву - А.К.) и Новгород и всю область Новгородскую"³. То была явная попытка отторгнуть от страны выход к Балтике, отрезать доступ к корельским и финляндским землям, закрыть торговые пути на запад, покорить если не всю, то жизненно важную часть Новгородской земли. Момент выступления был выбран неслучайно. Большая часть Руси была разгромлена монголо-татарами, а её западным границам угрожали ливонские соседи. Казалось, что новгородцы не смогут дать отпор ещё одному противнику.

Морской поход шведов развернулся в первой половине июля 1240 года. В армии вторжения кроме "свеев", по летописному известию, участвовали норвежцы, сумь и емь. Не вижу оснований полностью отрицать участие финских контингентов в качестве вспомогательных войск⁴. Вспомним, что в 1242 году в Ледовом побоище ливонцев сопровождала местная чужь. Среди военных отмечены "пискупы", что придавало нашествию крестоносный

характер. Видимо, этот поход, как справедливо думают некоторые историки, следует рассматривать в качестве первого крестового вторжения шведов в пределы собственно Руси.

Значимость военной операции подчеркивалась тем, что шведам предводительствовал правитель шведского государства Ульф Фаси⁵. В источниках он назван королем или князем. Упомянут ещё воевода. "Двуначалие" в составе князя и главного воеводы было обычной походной практикой в ряде средневековых стран Европы, не исключая и Руси.

Весть о выступлении шведов против Новгорода, согласно Житию, будто бы подал сам "король" в тот момент, когда его войско достигло Невы. Однако примерно в то же время (или несколько раньше) движение шведской силы устерег ижорский старейшина Пелгусий, которому, по словам Жития, была поручена "морская стража" в районе дельты Невы. В его задачу входило "уведав силу ратных, иде противу князя Александра, да скажет ему станы"⁶. Далее в Житии неожиданно прибавляется, что Пелгусий увидел не "ратных", а плывущих в насаде мучеников Бориса и Глеба. Об этом он рассказал Александру Ярославичу. Последний почему-то просил Пелгусия сохранить все в тайне. Если бы неразглашение касалось только видения, носившего благоприятный для новгородцев смысл, то оно было бы непонятным⁷. Читателю Жития остается догадываться о том, что Пелгусий передал князю свои секретные разведывательные наблюдения. Недоговоренность этого эпизода, впрочем не удивительного для агиографии, объясняется, видимо, его вставным характером. Подтверждение этому мы находим в истории В.Н. Татищева, где ясно говорится, что Пелгусий устерег не видение, а насады "ратных гребуща"⁸. Как бы то ни было, русская сторона была предупреждена о появлении противника, как только он подошел к устью Невы.

Реакция новгородцев на военную угрозу была незамедлительной. Шведы

успели продвинуться до устья реки Ижоры, где расположились станом, что, примерно, соответствовало одному дневному переходу гребных судов. За необычайно короткое время, бероятно, всего за один день Александр Ярославич собрал войско "поиде на них в мале дружине, не създався с мною силою своею"⁹. Спешные сборы новгородцев переданы В.Н. Татищевым, думаю вполне достоверно, в следующих словах. "Егда же снидошася неколико от воинства, и абие всед на конь, иде противу ратных и ко отцу (владимирскому беликому князю Ярославу Всеволодовичу) не успе вести послати, приближиша бо ся ратные"¹⁰. Здесь угадывается план молодого полководца - не допустить шведов до Ладоги, воспрепятствовать разорению прилегающих к р. Неве мест (словами Татищева, противник, придя на реку, "начат ижору и воты пленити"¹¹ и внезапно напасть на них во время останковки в полевом лагере у устья р. Ижоры.

Судя по упоминанию в синодике новгородской церкви Бориса и Глеба в Плотниках погибших "на Неве от немец" "княжих воевод и новгородских воевод", в составе снаряженного в Новгороде войска находились воины княжого двора¹² и новгородские ополченцы. Войско по преимуществу было конным и дополнялось пехотой, передвигавшейся, надо думать, также на конях.

Маршрут движения новгородцев неизвестен. Утверждение, что они ежали до Ладоги видным путём по Волхову, а затем по Ладожскому озеру и Неве, маловероятно. Этот путь составлял около 340 км. С учетом преодоления волховских порогов и исходя из расстояния дневного перехода судов он занял бы около 5-7 дней. К тому же, на речных судах, сколько известно, невозможно было транспортировать лошадей, а дороги вдоль реки Волхов, по которой бы вместе с судовой ратью могли передвигаться верхом, в тот период, видимо, ещё не было. Невыгода передвижения по водному пути заключалась ещё в том, что утрачивалась

внезапность и скрытность нападения. Шведские посты ещё издали могли заметить приближающиеся от Ладожского озера русские корабли.

Для ускоренного передвижения войско к месту сражения на Неве более предпочтительной была сухопутная дорога от Новгорода через Тесово к реке Неве. Её протяженность составляла примерно 150 км. Форсированным маршем рать могла преодолеть такое расстояние за 2 дня¹³.

К месту схватки войско подошло дополненное, по сообщению летописи, отрядом ладожан. Для этого вовсе не обязательно было следовать через Ладогу. Её ополчение могло присоединиться к новгородцам на каком-то отрезке сухопутного пути. По данным XVI-XVII веков известна старанная сухопутная дорога, которая вела из Ладоги в Водскую землю через Лопский край. Возможно, что эта дорога существовала и в XVIII веке.

О численности противоборствующих сил, сошедшихся в устье реки Ижоры, судим лишь по косвенным данным и прежде всего по указаниям о потерях. Синодальный список новгородской летописи сообщает, что шведы после битвы вывезли на двух кораблях своих погибших "вятших людей", а прочих "ископавши яму вметаша". Нет оснований сомневаться в этих известиях. Речь во всех этих случаях идет, по-видимому, о десятках, а не о сотнях убитых. Тот же источник приводит новгородские потери: "всех 20 муж с ладожанами, или мне, бог вестъ"¹⁴. Даже если число жертв с русской стороны преуменьшено, оно было относительно небольшим. Судя по умеренным жертвам, численность участников Невской битвы измерялось сотнями, а не тысячами человек. Именно такими силами велись многие феодальные войны. Они поэтому не сопровождались крупными потерями. Чувствуя свою слабость, один из противников предпочитал не продолжать борьбы, а ретироваться с поля боя. Похоже, что Невская битва также не отличалась грандиозностью своего размаха и большим числом участво-

вавших в ней людей, что, однако, не снижает её судьбоносного исторического значения.

Войско Александра Ярославича подступило к шведскому лагерю 15 июля 1240 года, а в 6 часов дня, то есть в полдень, началось сражение, словами летописца, "ту бысть велика сеча свеем"¹⁵. Сражение, судя по всему, отличалось упорством, отвагой и отчаянной смелостью его новгородских участников. С самого начала битвы им принадлежала боевая инициатива. Можно думать, что ожесточенное сопротивление оказали и шведы, тем более, что их отступление было до крайности затруднено. В тылу была вода, а посадка на корабли; если бы она сопровождалась паникой, означала бы верную гибель войска.

Представить Невскую битву можно лишь в отдельных моментах, используя сведения Жития Александра Невского, в особенности, посвященные шести мужам-воинам - героям битвы. Сведения эти достаточно документальны и надежны. Агиограф по этому поводу выразительно пишет: "Си вся слышахом от господина своего Олександра и инех иже в то время обретошася в той сечи"¹⁶.

Сохраненные в упомянутом источнике детали позволяют считать, что сражение 1240 года разворачивалось во многом по тактическим правилам боя принятым в средневековье. В такого рода схватках участвовали сплоченные отряды, построенные в эшелонированный боевой порядок. Под водительством своих воевод эти отряды на поле боя, если первый натиск не приводил к немедленному результату, сходились и расходились, то есть сшибки враждующих повторялись и разворачивались как бы волнообразно¹⁷. Так, видимо, происходило и во время Невской битвы, что подтверждается использованием в тексте Жития терминов: "наехал", "наскочи", "наеха многожды". Многократное участие в схватке возможно в случаях, когда тактические подразделения сохраняют боевой порядок, и, сохраняя строй, способны к сближению, маневру, отходу, послушны

управлению. Действительно, в Невской битве главнокомандующие руководили боем: шведский – из своего великого златоверхого шатра, русский – из не обозначенного места мог, в частности, ободрять войнов ("похвали его князь").

Поотрядное членение русских войск, названных полками, подтверждается Житием. К их числу относились воинские подразделения: княжеского двора, несколько новгородских (указано, в частности, что один из новгородцев – Миша имел свою дружину), ладожское. Среди шести мужей в Житии упомянуты двое влиятельных новгородцев Гаврила Алексич и Збислав Якунович. Эти люди, несомненно, руководили своими дружинами. Таким образом, русское войско насчитывало не менее 5 отрядов. Разделение на тактические единицы было, видимо, присуще и шведскому войску, которое включало состоятельных и простых воинов. Последние входили в окружение рыцарей, выступавших в определенных построениях.

Битва, как обычно было принято в то время, началась с атаки конных копейщиков. Это устанавливается на основании следующей фразы Жития – "и самому королю възложили на лице острым своим копием"¹⁸. Эти слова буквально переводят в смысле того, что сам король был ранен в лицо. Такое понимание, думаю, неверно. "На лице" в данном случае означает переднюю сторону строя шведских войск. В воинских описаниях "сташа в лице" – расположиться передней стороной или стать напротив, перед войском¹⁹. "Печать на лице" можно трактовать, как знак, отметина, урон, нанесенный шведскому войску ударом конных копейщиков. Следовательно, уже, по-видимому, в первом соступе новгородцы причинили ущерб построению шведов. Что касается непосредственного участия в сече шведского предводителя – "короля", то вряд ли он находился в передовых порядках. Какое-то время "король" руководил боем, как упоминалось, из своего командирского пункта – шатра. К тому же,

летопись, в отличие от Жития, упоминая о гибели шведского воеводы и епископа, ничего не говорит о ранении главного шведского полководца.

Особую похвалу, согласно Житию, заслужили бойцы, которые в бою действовали с необычайной смелостью, вне строя вступали в единоличное единоборство с врагом, в рукопашной исползовали не меч, а топор, подсекли столп златоверхого шатра – пристанище полководца. Падение шатра, как и знамени, оказывало на войско деморализующее воздействие.

Обращают на себя внимание, обрисованнее в Житии действия шести храбрецов. Они рубились в середине вражеского войска, проникли до шатра командующего, прорвались к стоянке кораблей и уничтожили три из них. Все это свидетельствует о том, что во время завязавшейся рукопашной схватки ряды шведов были расстроены и прорваны, а их отдельные отряды боролись не вместе, а, возможно, были разъединены. Таким образом, в схватке после удачного тарана копейщиков превосходство оставалось за новгородскими отрядами и привело их к победе. Согласно Житию, уцелевший в сече остаток шведов "побеже". Мертвых неприятелей потом находили даже на противоположном берегу р. Ижоры. Некоторые авторы, касавшиеся Невской битвы, объясняют успех русских войск прорывом в тыл шведам, отсечению их сил от кораблей²⁰. Решительность, смелые действия, способность к прорыву и фланговому удару новгородцев и ладожан сомнения не вызывает. Однако непреложен ли был только такой финал битвы? Важно напомнить, что основной результат многих феодальных сражений достигался не окружением, обходом, ударом в тыл, тотальным уничтожением на месте живой силы, а прекращением организованного сопротивления одного из противников в открытой рукопашной схватке, в столкновении лицом к лицу. Думаю, нечто подобное произошло в ходе Невской битвы, что, конечно, не исключает всякого рода искусных маневров групп бойцов в решающий момент боя.

Сражение в устье реки Ижоры, по-видимому, затянулось до вечера. К ночи рати расступались. Судя по летописным замечаниям, шведское войско, несмотря на поражение, не было уничтожено. Победенные захоронили своих в братской могиле ("много их паде"), а павших знатных, сложив на корабли, попытались увезти. По Житию, эти корабли затопили в "море". К утру неприятель, не в силах, продолжать борьбу, полностью очистил поле битвы, отплыв на судах. Уходу остатков шведского войска не препятствовали. Сказались ли здесь рыцарские приемы ведения боя, позволяющие во время передышки своим хоронить своих или новгородцы сочли дальнейшее кровопролитие напрасным, или Александр Ярославич не хотел рисковать своим немногочисленным войском – нельзя исключить ни одно из этих объяснений. Свершилось главное – неприятель был скрушен, оставил поле битвы и затем убрался восвояси. Целостность страны и свободный выход к Балтике были сохранены. Победа в Невской битве вновь обнаружила торжество священного принципа мировой истории, старшего, кстати, особо популярным на Руси в XIII веке – "жити не престопающе в чужую часть"²¹.

Победа на Неве явилась первым военным успехом Александра Ярославича, как талантливого полководца. Это проявилось на всех стадиях операции, включая разведку Пелгусия, быстрые и внезапные действия войск, организацию первого натиска и действий отрядов, разорвавших построение вражеского войска. Умелые действия новгородцев и ладожан, точное управление походом и боем самого Александра Ярославича, высокий моральный дух воинов – все это в немалой степени обеспечило достижение победы. Отпор шведам умножил решимость северо-западной Руси защищать единство и целостность своей территории. Невское побоище отрезвило и шведских феодалов. До 1256 года они не покушались на земли Великого Новгорода. Невская битва запала в душу современникам,

как общенародный подвиг, придала жителям Новгородского Государства большую уверенность в борьбе с врагами Руси, не только с западными, но и с восточными. Впереди у князя Александра будут новые победы в битвах с немцами, литовцами, некоторыми чудскими племенами и посмертная слава защитника страны в критический момент её истории, когда под вопрос было поставлено само выживание народа. Может быть, поэтому князя Александра с XV века стали именовать Невским,²² а память о нем запечатлелась в словах Жития: "побежая а не победим"²².

Невская битва – поучительный урок не только русской, но общеевропейской истории. Она со всей силой обнаружила бесцельность, бесполезность агрессии одного народа против другого. Такого значения этого события, память о котором пережила века и нравственно укрепляет новые поколения людей.

Примечания

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Москва–Ленинград 1950, с. 77.

² Бегунов Ю.К., Памятник русской литературы XIII века, Москва–Ленинград 1965. Благодарю Ю.К. Бегунова за консультации о письменных источниках, включавших сведения о Невской битве.

³ Новгородская первая летопись, с. 77.

⁴ Ср. Шаскольский И.П., Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв., Ленинград 1978.

⁵ Это доказал И.П. Шаскольский, см. его "Борьба Руси...", с. 178.

⁶ Бегунов Ю.К., Памятник..., с. 165.

⁷ Бегунов Ю.К., Древнерусские источники об ижорце Пелгусии–Филиппе, участнике Невской битвы 1240 года. Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования 1982

года, Москва 1984, с. 79.

⁸ Татищев В.Н., История Российская, Москва-Ленинград, т. 5, 1965, с. 31.

⁹ Бегунов Ю.К., Памятник с. 163.

¹⁰ Татищев В.Н., История с. 31.

¹¹ Татищев В.Н., История ..., с. 30-31.

¹² Янин В.Л., Церковь Бориса и Глеба в новгородском детинце. Сб. Культура средневековой Руси, Ленинград 1974, с. 91.

¹³ Форсированное скорость суточного марша конных воинов, равная 60-85 км, отмечается в военных действиях русских войск в XIII и XIV вв. Кирпичников А.Н., Куликовская битва, Ленинград 1980, с. 37.

¹⁴ Новгородская первая летопись, с. 77. В источниках продолжающих традицию первой новгородской летописи старшего извода, потери шведов обозначены большими, чем были записаны первоначально. Ср. Новгородская первая летопись, с. 294, 448-449.

¹⁵ Новгородская первая летопись, с. 77.

¹⁶ Бегунов Ю.К., Памятник ..., с. 168.

¹⁷ Кирпичников А.Н., Куликовская битва, Ленинград 1980, с. 53, сл.

¹⁸ Бегунов Ю.К., Памятник ..., с. 166.

¹⁹ Срезневский И.И., Материалы для словаря древнерусского языка, т. II, Санкт-Петербург 1902, с. 31-32; Словарь русского языка XI-XVII вв., вып. 8, Москва 1981, с. 256.

²⁰ Ср. Пашуто В., Александр Невский, Москва 1974, с. 64, сл.

²¹ Бегунов Ю.К., Памятник ..., с. 163.

²² Бегунов Ю.К., Памятник ..., с. 161.